

Эвакуация населения из прифронтовой полосы на территории Калининской области в 1942 г.

Любовь Болокина

Evacuation from the front zone in the Kalinin region during 1942

Lyubov Bolokina

(Tver State Technical University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956872203013X, EDN: FXGUSP

В отечественной историографии немного работ о массовых отселениях советских граждан из прифронтовой полосы в пределах собственного региона, происходивших в 1942–1944 гг. Приводятся лишь отдельные сведения, связанные с механизмами принятия решений и установлением прифронтовой зоны на различных участках фронта¹. В монографии Д.Е. Комарова присутствует краткий обзор подобных отселений на территории Смоленской обл., сопровождающийся замечанием о пользе дальнейшего изучения темы². Учёными из Курска проанализированы проблемы, возникшие в регионе при перемещении жителей из районов предполагаемых боевых действий летом–осенью 1943 г., показана реакция населения, выявлены причины нарушения сроков эвакуации³.

Данная статья посвящена исследованию процесса перемещения гражданского населения из прифронтовых районов, входивших на тот момент в состав Калининской обл. (ныне Тверская). В фокусе внимания – организация переселений, взаимодействие военных и гражданских властей, настроения и поведение жителей, устройство эвакуируемых в принимающих районах. Некоторые проблемы, выявившиеся при вывозе и размещении граждан на новых местах жительства, затрагивались мной в предыдущих публикациях⁴, поэтому здесь им уделено меньшее внимание.

Массовые переселения жителей региона из прифронтовой полосы происходили в июле и октябре–ноябре 1942 г., хотя в ряде районов имели место уже в июне, а некоторые ограничения для граждан существовали и ранее. Так, согласно постановлению Военного совета Калининского фронта от 24 мая

© 2022 г. Л.А. Болокина

¹ *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1. С. 33.

² *Комаров Д.Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной войны: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 306–308.

³ *Афанасьева Ю.А.* Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны: на примере Курской области. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. С. 21; *Байрамов Р.С., Коровин В.В.* Проблемы эвакуации населения из прифронтовой полосы накануне Курской битвы (по материалам Центрального фронта) // Истоки и уроки Великой Победы. Сборник научных статей. Курск, 2020. С. 27–33.

⁴ *Болокина Л.А.* О проблемах эвакуации населения Калининской области в 1941–1942 гг. // Человек и общество в условиях войн и революций. Материалы всероссийской научной конференции. Самара, 2016. С. 250–256; *Болокина Л.А.* Адаптация женщин Калининской области, эвакуированных из прифронтовой полосы в 1942 г., к новой повседневности // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы международной научной конференции. Калининград, 2019. С. 355–358.

запрещалось передвижение гражданского населения в 50-километровой прифронтовой полосе из одного населённого пункта в другой без специального разрешения от председателя сельского совета или главы колхоза, а при наличии документа позволялось только с 5:00 до 21:00. Выдача разрешений могла производиться только в случае действительной необходимости под ответственность руководителей. Подлежали выселению лица, не являвшиеся постоянными жителями и не имевшие ближайших родственников в селениях прифронтовой зоны, для чего следовало учесть коренное население⁵.

В соответствии с постановлением Военсовета фронта от 1 июля суженный состав исполкома Калининского областного совета принял 4 июля решение об эвакуации всего гражданского населения ряда районов из 20-километровой прифронтовой полосы в восточные районы области. Список населённых пунктов, входивших в отселяемую зону, устанавливали исполкомы райсоветов совместно с представителями командования армий и дивизий фронта. Размещение эвакуированных должно было происходить согласно плану. Например, переселенцев из Кировского и Оленинского районов принимали жители Бежецкого, а Нелидовского и Великолукского – Краснохолмского районов. Предполагались следующие маршруты движения: жители Погорельского, Зубцовского, Старицкого, Ржевского, Луковниковского районов направлялись через Старицу, посёлок Емельяново и Калининский эвакуопункт для дальнейшей отправки водным путём; из Кировского, Молодотудского, Оленинского и Нелидовского – на станции Бологое и Сонково через посёлок Селижарово (по железной дороге); из Куньинского, Великолукского, Плоскошского, Локнянского, Холмского – в Бологое и Сонково через Торопец.

Исполкомы райсоветов обязывались в первую очередь обеспечить отправку колхозников с детьми на имевшихся колхозных лошадях. Однако из-за недостатка лошадей облисполком обратился к командованию фронта с просьбой дать указания воинским частям, чтобы они забирали население из зоны эвакуации с попутными машинами во всех перечисленных направлениях, а также предоставляли порожние вагоны. Гражданам рекомендовалось наряду с необходимым личным имуществом и запасом продовольствия забирать и отгонять по пути следования скот, числившийся в их личном пользовании. Для отгона колхозных стад следовало организовать гурты, поручив обязанности гонщиков «добросовестным» колхозникам. При невозможности этого исполкомы райсоветов и контора «Заготскот» должны были принимать животных от колхозников под гарантийные обязательства. Остававшееся имущество эвакуируемых колхозников предлагалось скупать облпотребсоюз и облупотребсоюз. Кроме того, облисполком просил фронтное командование всячески содействовать сохранению домов, сельхозинвентаря и другого имущества, которое не могло быть вывезено, если его использование не вызвано потребностями фронта.

Подготовкой эвакуопунктов, организацией медицинской обследования переселенцев и их последующей отправкой к местам жительства занимался заведующий областным отделом по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Для оказания организационной помощи райсоветам и горсоветам в прифронтовые районы командировались 10 уполномоченных облисполкома. Предусматривалось снабжение граждан продовольствием по пути следования не ниже установленных норм, с этой целью выделялось дополнительно

⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГА ТО), ф. Р-2043, оп. 18, д. 13, л. 443.

250 т хлеба. Председатели исполкомов районов, принимавших эвакуированных, должны были обеспечить своевременное расселение людей. Эвакуацию следовало начать немедленно при получении решения облисполкома и закончить не позднее 20 июля⁶.

Вслед за решением облисполкома 8 июля вышел приказ по областному отделу здравоохранения, очертивший ряд мер по недопущению ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки. Так, находившиеся в карантине семьи переселялись только в пределах своего или соседнего районов, с обязательным сообщением заведующему райотделом здравоохранения и медработникам об их статусе (извещать следовало двумя способами — эвакуируемой семье на руки давалась справка, а почтой высылалось извещение о необходимости изоляции и дальнейшего наблюдения за этими гражданами). При отправке населения эшелонами или пароходами выделялись сопровождающие их медработники, обеспеченные медикаментами и бактериофагами. На местах сбора, остановок, пересадок на железнодорожных станциях и пристанях организовывалось круглосуточное дежурство медработников, регулярно проверялось санитарное состояние вагонов и пароходов. Дети ясельного возраста обеспечивались остужённой кипячёной водой и питанием из молочных кухонь. Прибывшие проходили обязательную тщательную санобработку, не допускалось их расселение в колхозах и семьях, где имелись инфекционные заболевания. Ответственность за проведение перечисленных мероприятий возлагалась на заведующих райздравотделами, в том числе по пути следования эвакуируемых⁷.

Следующая волна переселений в Калининской обл. началась осенью. После ряда постановлений и приказов командования Западного, Северо-Западного, Калининского фронтов и отдельных армий облисполком принял 8 и 16 октября решения об эвакуации гражданского населения из 20-километровой прифронтовой полосы (в Зубцовском, Ржевском, Старицком, Погорельском районах), а 17 октября — о выселении граждан уже из 25-километровой зоны (в Великолукском, Кировском, Куньинском, Локнянском, Луковниковском, Молодотудском, Нелидовском, Октябрьском, Плоскошском, Холмском районах). Завершить эвакуацию предполагалось не позднее 25 октября; в последующих решениях указывался срок 1 ноября⁸.

В отличие от летней эвакуации, жителей из прифронтовой зоны планировалось переселять в соседние районы либо на территорию восточных сельсоветов того же района, однако на практике происходило и иначе. Иногда в селения прибывали граждане и своего, и соседнего районов. При этом пункты приёма эвакуированных должны были назначить совместно главы исполкомов обоих районов. Кроме того, они обязаны были организовать в зоне эвакуации обмолот зерна и выполнение обязательств перед государством по всем видам сельскохозяйственных продуктов, засыпку фондов и сдачу их государству под сохранные расписки. В их ведении находилась также сдача хлеба и другой продукции, оставленной колхозникам на трудодни, под акт-квитанцию — с тем, чтобы в местах расселения это продовольствие работники могли получить для личного пользования из органов Наркоммата заготовок. В октябрьских решениях ответственными за проведение в пунктах прибытия необходимых противо-

⁶ Там же, д. 12, л. 70, 71, 74.

⁷ Там же, ф. Р-2319, оп. 2, д. 16, л. 10, 10 об.

⁸ Там же, ф. Р-2043, оп. 18, д. 14, л. 187, 207, 210, 215.

эпидемических мероприятий и обеспечение медпомощи прибывшим назывались глава облотдела здравоохранения и председатели райисполкомов.

Со стороны властей области эвакуационным процессом руководили заместитель председателя облисполкома К.Н. Гришин и секретарь обкома П.С. Воронцов. В 31-й армии общий контроль за ходом выселения возлагался на члена Военного совета бригадного комиссара П.М. Лахтарина, в 29-й армии – на заместителя командующего войсками по тылу В.Ф. Конькова, а непосредственное выполнение решения – на командиров и комиссаров дивизий в пределах их разграничительной линии⁹.

При получении распоряжений об отселении на местах, как правило, проводились совместные заседания райкомов и райисполкомов, на которых принимались решения об организации переездов и проходили инструктивные совещания с районным активом. Бригады или отдельные представители из района выезжали в сельсоветы и колхозы, собирали сельский актив, объясняли необходимость переселения и непосредственно занимались эвакуацией. Местами эта работа проводилась чётко. Например, в Нелидовском районе «абсолютно всех работников ответственных и технических» командировали в колхозы для оформления сдачи продукции и ценностей представителям воинских частей, хотя указания о проведении эвакуации там получили со значительным опозданием, от прибывшего из областного центра уполномоченного¹⁰.

Судя по документам, наиболее успешно эвакуация прошла в Осташковском районе. Там, по сведениям уполномоченного из области, была проведена серьёзная предварительная работа: в каждый сельсовет направились сотрудники райкома и райисполкома, чтобы разъяснить причины переселения, в том числе жителям тех населённых пунктов, куда приезжали земляки. Эвакуированные расселялись в пределах своего района, переезжали «полными хозяйственными единицами во главе с сельсоветом, медпунктами, школами, правлениями колхозов» и продолжали хозяйственную деятельность на новом месте. Членов конкретного колхоза размещали в одном селении, не допуская разбросанности. Для переездов мобилизовали 500 лошадей, 1 катер, 1 пароход, 4 баржи и 18 лодок. Вывезли часть колхозного скота, а также лён с 200 из 454 га общих посевов «для обработки на новом временном месте жительства». По словам главы райсовета, было достигнуто полное взаимопонимание с военными¹¹.

В других же районах (например, Кировском) собрания состоялись далеко не во всех сельсоветах и колхозах¹². По мнению уполномоченного С.Г. Орнацкого, председатель Ржевского райисполкома пустил эвакуацию на самотёк, не включился в работу. Вместо 17 октября отселения в районе начались 25 октября по указанию военных, так как, согласно объяснениям, решение облисполкома на месте получили поздно (проверить это утверждение тогда не удалось). Слабая организационная работа отмечалась в Дурневском сельсовете, где допустили приёмку хлеба, картофеля, сена через райсоюз по частным распискам; райсоюз, в свою очередь, сдал принятую продукцию воинским частям по одному чековому требованию, тем самым лишив колхозников возможности быстро

⁹ Там же, л. 189, 208, 210.

¹⁰ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ), ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 2, 24.

¹¹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 57, 92.

¹² ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 29 об.

получить продукцию на новом месте¹³. В пути оказалось, что переезжавшие из Ржевского в Луковниковский район люди направлялись без указаний, в какой именно сельсовет или населённый пункт они должны прибыть¹⁴.

Непростая ситуация возникла в Великолукском районе, где жителей нужно было перевезти на расстояние в 70–75 км, и подводы находились бы в пути несколько дней. Военные же требовали как можно скорее очистить территорию от гражданского населения. В итоге людей расселили в ближайших населённых пунктах с намерением позднее завершить эвакуацию, которая получилась поэтапной¹⁵.

Трудноразрешимой проблемой стала транспортная. Имевшейся в зоне отселения тягловой силы для вывоза населения не хватало. По сообщению Воронцова и Гришина, в просьбе о помощи, адресованной заместителю командующего фронтом по тылу, было отказано по причине отсутствия бензина. Чтобы не допустить затягивания процесса, организаторы эвакуации приняли решение о мобилизации гужевого транспорта из соседних районов (из Торопецкого в Великолукский, из Октябрьского в Нелидовский и др.). Однако этих ресурсов также не хватало, и на местах обращались к командирам воинских частей, а часть граждан выводилась из прифронтовой зоны без участия транспортных средств¹⁶. В Плоскошском районе для вывоза людей и имущества использовали 450 собственных лошадей, 120 подвод из Серёжинского района, 200 лошадей и 20 автомашин военных частей. Более 1 тыс. колхозников переносили нехитрый скарб на себе, в ряде мест использовали коров. Несмотря на то что в районе насчитывалось 800 лошадей, значительная часть животных оказалась ослабленной и не годилась для эвакуации, к тому же не хватало повозок. Помимо местных жителей перемещались 350 семей из Локнянского и Холмского районов, находившихся в тот момент на территории Плоскошского¹⁷. В Холмском районе задействовали 1 546 местных подвод, 877 — из Серёжинского района, 1 794 подводы и 127 автомашин воинских частей. В среднем на одну семью приходилось две подводы, что позволяло перевезти и часть вещей. Но даже здесь 470 хозяйств переносили имущество вручную. В Нелидовском районе отселение производилось главным образом на транспорте воинских частей, по железной дороге и на лошадях своего района. Встречавший эвакуируемых Ленинский район смог выделить 75 лошадей, но до места дошла только небольшая их часть, остальных пришлось вернуть с полдороги по причине слабости¹⁸. Дефицит транспорта стал главной причиной того, что переселенцы скапливались на железнодорожных станциях и в пунктах сбора. В первые дни ноября в прифронтовых районах их количество доходило до 100 семей на пункт, а в восточных, куда прибывали двигавшиеся через Москву эшелоны и где люди ждали санобработки и расселения, имелись случаи скопления от 800 до 1 тыс. человек¹⁹.

По-разному складывалась ситуация со сдачей сельскохозяйственной продукции. Колхозники Холмского района передали воинским частям под сохранные расписки 2 200 ц зерна, 2 922 ц картофеля, 2 392 ц сена. В счёт обязатель-

¹³ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 86.

¹⁴ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 29.

¹⁵ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 91.

¹⁶ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 530, л. 104, 104 об.

¹⁷ Там же, д. 343, л. 26, 26 об.

¹⁸ Там же, л. 3, 25.

¹⁹ Там же, л. 1.

ных поставок точно по плану к 1 ноября сдали 50 т картофеля и 81 т зерновых из плановых 135 т. Наибольшее количество зерна армии сдали хозяйства Молодотудского района — 4 676 ц. Необмолоченные зерновые также передавались воинским частям, которые сами занимались уборкой урожая в пределах прифронтной полосы. Так, в Ржевском районе оставили 750 га необмолоченных хлебов, которые попали к военным по предварительно установленной урожайности, а после обмолота — по фактическому выходу зерна²⁰. В Великолукском районе командиры сначала вовсе отказались принимать сельхозпродукцию, мотивируя это занятостью по эвакуации, и только 4 ноября приступили к приёму, но требовали взвешивания и обмера. Для этого пришлось разрывать ямы и бурты с картофелем, что не способствовало дальнейшей сохранности клубней²¹. Причиной задержки со сдачей продукции воинским частям в Плоскошском районе стали заготовительные организации, не успевавшие принимать продукцию и оформлять документы вовремя. Также интендантства отдельных частей отказывали в приёме сена и картофеля²². Руководившие эвакуационным процессом признавали, что сдача продукции «проходит крайне неудовлетворительно», и медленные темпы приёмки со стороны военных организаций вынудили представителей областного руководства дважды обратиться к ним с просьбой об ускорении приёма²³.

Случалось и так, что из-за дефицита времени, кадров, а возможно, по иным обстоятельствам, военнотружашие забирали необходимые им ресурсы без всякого оформления и учёта. О фактах расхищения колхозного сена военными сообщал секретарь Нелидовского райкома, отметивший, что сторожа и охрана становились в лучшем случае простыми свидетелями происходившего²⁴. В деревнях Погорельского района бойцы разбирали общественные постройки и дома на топливо, без оформления увозили фураж²⁵. Очевидно, что серьёзным образом нарушались интересы колхозов, ведь обязательства перед государством и перед работниками с глав хозяйств никто не снимал, а в будущем предстояло восстанавливать разрушенное. Попытки районных руководителей прекратить самовольное растаскивание имущества не встретили у командиров понимания.

Осенью ситуация осложнялась тем, что на территорию области поступало население из соседних регионов. 19 октября председатель Погорельского райисполкома сообщал в облисполком о прибытии не только жителей соседнего Зубцовского района, но и граждан Сычёвского и Кармановского районов Смоленской обл., которые «самотёком прибывают в район с попутным военным транспортом, средств существования не имеют», а передвигаться далее не могут из-за отсутствия транспорта. В результате дети-сироты, престарелые, больные находились в тяжёлом положении, проводя по несколько дней под открытым небом, что создавало «нездоровое настроение и недовольство». Автор записки просил повлиять на смоленских руководителей и дать прямые указания Зубцовскому исполкому о пресечении потока переселенцев, разместить которых невозможно, ведь Погорельский район оставался прифронтным, и оттуда также вывозили часть населения. Облисполком действительно

²⁰ Там же, д. 530, л. 104; д. 343, л. 4, 29.

²¹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 91.

²² ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 26.

²³ Там же, д. 530, л. 104.

²⁴ Там же, д. 343, л. 2.

²⁵ Там же, д. 4, л. 148, 149.

обратился к главам названных райисполкомов с просьбой принять меры по упорядочению эвакуации земляков²⁶. 27 октября председатель Калининского облисполкома А.П. Староторжский информировал местные органы власти о решении Военсовета фронта разместить население из освобождённых северо-западных районов Смоленской обл. (более 2 тыс. семей) в Каменском, Новоторжском и Пеновском районах области. 30 октября поступило распоряжение СНК РСФСР, обязавшее облисполком принять и разместить в пределах области 8 тыс. человек из Бельского, Велижского, Ильинского, Пречистенского, Слободского и Усвятского районов Смоленской обл. Кроме того, в Осташковском и Пеновском районах требовалось временно разместить 8–9 тыс. семей эвакуированных из Ленинградской обл. с целью сбора и дальнейшей отправки на территорию Ярославской и других областей²⁷.

Исходя из имеющихся данных, за время осенней эвакуации 1942 г. на территории области удалось переселить свыше 100 тыс. граждан. Наибольшее количество перемещалось в Зубцовском и Великолукском районах – соответственно 19 910 и 17 529 человек. В зоне действия Калининского фронта работы в основном завершились 5 ноября, в зонах Западного и Северо-Западного фронтов – 15 ноября. Таким образом, в намеченные сроки переселение закончить не получилось, задержка составила не менее двух недель. Маршруты эвакуации также менялись. Например, колхозники из Зубцовского района в конечном итоге разместились не только в собственных тыловых сельсоветах и примыкающих районах, но и в восточных Краснохолмском, Овинищенском, Сонковском, а всего в 12 районах²⁸.

По мере продвижения советских войск вставал вопрос о возвращении гражданского населения. 28 декабря в ответ на обращения председателей райисполкомов в прифронтовые районы поступили разъяснения Староторжского о том, что им с помощью командования армий, находящихся на территории конкретного района, следует вновь установить границу прифронтовой полосы. Населённые пункты, оставшиеся за пределами новой зоны (25 км), могли заселяться ранее проживавшими там гражданами только с разрешения военных властей и облисполкома. Ещё до прибытия населения следовало восстановить сеть лечебных учреждений, оборудовать в каждом колхозе общественную баню и дезинфекционную камеру простейшего типа. После обязательного медосмотра и санобработки за вернувшимися гражданами устанавливалось медицинское наблюдение в течение 25 дней²⁹.

Важнейшим фактором успешного проведения эвакуации являлось конструктивное взаимодействие военных и гражданских властей, достичь которого удавалось не всегда. Переписка между их представителями содержит регулярные просьбы отдать те или иные приказы и распоряжения, при этом авторы часто ссылались на различные недоработки другой стороны. В основном речь шла о транспортных средствах, приёме сельхозпродукции, уточнении границ прифронтовой полосы.

9 июля заместитель командующего войсками по тылу фронта напоминал Староторжскому об установленных СНК правилах приёма скота от населения прифронтовой зоны, согласно которым в первую очередь животных следова-

²⁶ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 45, 47.

²⁷ Там же, л. 50, 51, 76 об.

²⁸ Там же, л. 77, 91; ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 530, л. 104; д. 1225, л. 1.

²⁹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 62.

ло сдать армейским частям, а излишек (сверх 8–10-дневной их потребности) отгонять в тыловые районы по указанию военного командования. Проверка установила, что в Высоковском и Старицком районах скот угонялся без учёта потребностей войск, и автор письма просил направить местным властям соответствующие указания³⁰.

Командиры армии и руководители органов власти и позднее не раз обменивались упрёками. 24 июля начальник штаба фронта обратился к Староторжскому с просьбой принять немедленные меры к отселению граждан из прифронтовой полосы и привлечь к ответственности председателя Куньинского райисполкома за бездеятельность. Он утверждал, что постановление Военсовета фронта об эвакуации в районе не выполняется, выселенное войсками население скапливается на дорогах, при этом райисполком бездействует, а представителей облисполкома нет³¹.

Через четыре дня последовал развёрнутый ответ, в котором Староторжский привёл примеры того, как сами военные не содействовали эвакуации. По его мнению, воинские части, разместившиеся в Локнянском, Октябрьском, Плоскошском, Холмском, а особенно в Куньинском и Великолукском районах, не оказывали местным органам необходимой помощи в процессе отселения: отвозили жителей только до границы расположения своей части или до края 20-километровой зоны, при этом свободно пропускали тех, кто возвращался обратно. Более того, вывезенное с большим трудом на лошадях из Куньинского района к станции Назимово население военнослужащие сами же отвезли обратно на автомашинах. Автор отметил, что, в отличие от командующих 29–31 армиями, армейское командование в Куньинском и Великолукском районах передоверило дело эвакуации второстепенным работникам, а начальник штаба 3-й ударной армии прямо заявил заместителю председателя облисполкома, что это не их дело, пусть проводят отселения сами. Стремясь наладить взаимодействие с военными, Староторжский подчеркнул, что облисполком дал строгое указание райисполкомам об очищении прифронтовой полосы и потребовал отчёта о выполнении. Одновременно он просил отдать военным частям и соединениям приказ о немедленной организации всяческой помощи местным органам, особенно в выделении транспортных средств, и призвал работать согласованно³².

Проявления «местничества» со стороны воинских частей, заинтересованных в эвакуации гражданского населения прежде всего за пределы своей дислокации, перечислил в докладной записке от 7 августа уполномоченный облисполкома В.С. Левицкий. При переселении жителей Великолукского района на территорию Куньинского военнослужащие оставляли их на территории 20-километровой зоны. Однажды представители 24-й стрелковой дивизии перевезли людей и высадили их на границе тыловой линии в с. Харитоново. Тут же начальник штаба одной из частей обратил внимание райисполкома на недопустимость скопления переезжавших в этом селе и предложил немедленно освободить его³³.

Военные отмечали отсутствие необходимого руководства со стороны местных органов власти и во время осеннего переселения. Так, 17 октября в облисполком сообщалось о том, что эвакуация жителей из прифронтовой

³⁰ Там же, л. 6.

³¹ Там же, л. 17.

³² Там же, л. 18.

³³ Там же, л. 22.

полосы Зубцовского, Ржевского, Старицкого районов проходит неорганизованно, население движется самостоятельно, скапливается на станции Старица, санитарно-пропускном пункте в Кореничено, а представителей райисполкомов на местах нет. Через два дня в районы ушли указания о немедленной отправке представителей в конкретные населённые пункты, о необходимости личного руководства главами райисполкомов процессом отправки граждан, а также о выделении Старицким райисполкомом 200 подвод сроком на два дня в распоряжение Зубцовского райсовета для нужд эвакуации³⁴. Староторжский обратился к заместителю командующего по тылу Западного фронта с просьбой отдать распоряжение командованию 29-й армии об оказании помощи автогужевым транспортом в деле переселения жителей Зубцовского района в Старицкий согласно постановлению Военсовета армии, и уточнил, что Зубцовский район совершенно не имеет лошадей, отчего эвакуация затягивается³⁵.

В постановлении Военсовета Калининского фронта от 5 ноября говорилось о том, что к 3 ноября из прифронтовой зоны выселено 50–60% населения, а значит, директива Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) не выполнена. Причиной таких явлений, как задержки при размещении эвакуированных, скопления граждан на границах зоны, возвращения в родные места и попытки расселиться в лесах, называлась недостаточная мобилизованность советских и партийных организаций. Указывалось на слабость руководства со стороны Калининского облсовета и стремление отдельных представителей органов власти оправдать бездеятельность ссылками на нехватку транспортных средств и иными объективными причинами. Облисполкому предлагалось немедленно навести порядок в деле расселения граждан и полностью закончить эвакуацию к 8 ноября³⁶.

Продолжались и попытки совместными усилиями найти оптимальные решения. 11 октября Луковниковский райисполком просил командование 29-й армии помочь с транспортом для доставки переселенцев из Ржевского района до конечных пунктов их размещения ввиду отсутствия тягловой силы на местах и с учётом наступающего похолодания. Вероятно, просьбу направили и в другие подразделения, и 22 октября член Военсовета 30-й армии бригадный комиссар В.В. Мочалов информировал Староторжского, что состояние дорог и армейских коммуникаций не позволяет использовать для вывоза населения армейский транспорт. В то же время, отметив возможность эвакуации по железной дороге в Высоковский район, он предложил изменить маршрут эвакуации и дать указания руководителям этого района о приёме переселенцев. Судя по резолюции на документе, надлежащие распоряжения были даны в течение суток³⁷. Однако выселение граждан данной территории шло медленно, и заместитель председателя облисполкома П.Г. Грачёв 31 октября отправил телеграмму заместителю командующего войсками по тылу Калининского фронта с просьбой дать приказ 39-й армии предоставить для вывоза людей как попутные машины, так и специальные. Одновременно с этим он обязал Луковниковский райисполком предоставить ржевителям 500 подвод для вывозки эвакуируемых³⁸.

³⁴ Там же, д. 14, л. 217–219.

³⁵ Там же, д. 19, л. 40.

³⁶ Там же, л. 108.

³⁷ Там же, л. 48, 55.

³⁸ Там же, л. 53.

По свидетельству направленного для организации отселений заведующего облищепромом А.Г. Громова, в Молодотудском районе военные части не подключались к ним до конца октября, а некоторые представители командного состава вообще сомневались в их необходимости, считая это «творчеством местных властей», и добавляли, что население им не мешает. Пассивность военных вынудила Громова вместе с секретарём райкома обратиться к начальнику штаба 186-й стрелковой дивизии и заместителю комдива по тылу с просьбой о помощи с эвакуацией. После телефонных переговоров командования дивизии с командирами частей положение улучшилось, а с приездом в район 1 ноября члена Военсовета 39-й армии «все вопросы были решены положительно»³⁹. Ситуации, когда вмешательство вышестоящих командиров оказывалось результативным, отражены и в других документах.

Не раз возникали вопросы по поводу границы прифронтовой полосы. Так, руководители Куньинского района указали, что тыловая линия, проходившая по юго-западной части района, удалена от передовых частей Красной армии на 45–50 км. После обращения представителей области к командующему 3-й ударной армией линию установили окончательно, и можно предположить, что определённое число жителей таким образом избежало переселения⁴⁰.

Случалось, что решения гражданских и военных властей противоречили друг другу. Приведённые выше слова о том, что население не мешает военным, а спешить с отъездом не следует, звучали не раз уже после выхода распоряжений исполкомов о начале переселений. Более того, представители воинских частей могли назвать уполномоченных по эвакуации паникёрами и даже требовать объяснений, почему распространяется паника (так произошло в некоторых деревнях Зубцовского района⁴¹). Заместитель главы облисполкома Гришин, будучи в Куньинском районе, дал устные указания о создании бригад из колхозников для производства обмолота зерновых и уборки льна в прифронтовой полосе, тогда как командиры воинских частей не разрешали этого делать. Одновременно они отказывались принимать у населения необмолоченный хлеб. В создавшейся ситуации секретарь райкома обратилась за разъяснениями к другому представителю областных властей — Воронцову⁴². В Ржевском районе представители подразделений 39-й армии отдавали разные приказы: в то время как некоторые пытались оставить колхозников для окончания молотбы и обработки льна, другие этого не допускали⁴³.

Зафиксировано немало случаев, когда отдельные командиры без разрешения командования фронта или армии незаконно выдавали жителям справки от воинских частей, оставляя их в прифронтовой зоне под различными предлогами (например, в роли прачек, работников пекарни). Одну из таких справок выдал начальник санитарной части, направив пять колхозников на работы по ремонту саней и скрепив документ личной печатью с оттиском «врач Сергей Иосифович Клеванный»⁴⁴. Подобные действия военных наблюдались в Зубцовском, Великолукском районах, а также в Плоскошском, где капитан 54-й бригады запретил вывозить две семьи и заявил, что посадит тех, кто будет

³⁹ Там же, л. 87, 87 об.

⁴⁰ Там же, л. 19.

⁴¹ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 1225, л. 1 об.

⁴² ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 96.

⁴³ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 29.

⁴⁴ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 87 об.

их эвакуировать, после чего «это разнеслось по сельсовету и явилось тормозом эвакуации»⁴⁵. Местные руководители подчёркивали, что люди, которых оставляли в зоне отселения, не всегда проверялись на предмет полного доверия. Распространённость подобных ситуаций вынудила председателя облисполкома направить главам райисполкомов разъяснения, что действия командиров войсковых частей и соединений, требующих посылки гражданского населения на работы в прифронтовую зону, включая работы обслуживающего характера, являются нарушением приказов Ставки и командования фронтов. Он напомнил, что любые работы там должны выполняться личным составом воинских частей, а если командиры будут настаивать на своих требованиях, руководители с мест обязаны немедленно ставить в известность областное руководство «на предмет доведения этих незаконных требований до сведения Ставки ВГК и командования фронтов»⁴⁶.

Безответственное отношение отдельных военнослужащих к выполнению приказов приводило к скоплениям переселенцев на границах прифронтовой полосы и у линий дислокаций военных частей. Например, значительное число граждан, прежде всего из приграничного Зубцовского района, осело в сельсоветах Старицкого района из-за того, что красноармейцы не доставляли их к конечным пунктам расселения, а колхозы не имели для этого тягловой силы. Так, в Старицком районе надлежало разместить 3 тыс. эвакуированных, однако реально в октябре и ноябре туда прибыли 6 358 человек, которые в результате проживали в условиях «крайнего переуплотнения»⁴⁷. На территории Плоскошского района отмечались случаи, когда водители останавливали автомашины на половине пути и высаживали переселенцев, не доставив их до места назначения, после чего они возвращались в родные дома. Руководители района вместе с уполномоченным из обкома даже предложили сформировать посты из заградотрядов, которые бы препятствовали проникновению жителей в пределы прифронтовой полосы⁴⁸. Напомню, что в постановлениях военных властей говорилось об организации военными комиссарами дивизий и политорганов широкой партийно-политической работы по разъяснению целей установления прифронтовой полосы и эвакуации населения среди бойцов и местных жителей⁴⁹. Приведённые примеры показывают, что эти решения не всегда выполнялись или выполнялись неудовлетворительно.

Действия бойцов и роль командиров в процессе эвакуации различались даже в пределах одного района, о чём свидетельствует информация, предоставленная в обком секретарём Зубцовского райкома. Он сообщал, что части 29-й и 30-й армий, располагавшиеся на территории Брычевского, Пищалинского, Рублёвского сельсоветов, почти не оказывали помощи. Как следствие, жители за неимением транспортных средств эвакуировались пешим порядком, на плотах и лодках по Волге. В Асужновском сельсовете военные предоставляли лишь попутный транспорт — автомашины и подводы, уже загруженные до предела. Воинские части, находившиеся на территории Коротовского и Карамзинского сельсоветов, «несерьёзно» подошли к эвакуации и отправляли колхозников с попутным транспортом только до станции Погорелое Городище, где скопи-

⁴⁵ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 26 об.

⁴⁶ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 60.

⁴⁷ Там же, д. 24, л. 22.

⁴⁸ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 26 об.

⁴⁹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 14, л. 189.

лось большое количество людей. Жители райцентра в первые дни подвозились и высаживались у деревни Алексино и находились там по трое суток. Напротив, большую помощь в деле эвакуации оказали части 31-й армии, которые предоставили около 200 железнодорожных вагонов, что позволило колхозникам Авангардовского, Белогуровского, Бубновского и ряда других сельсоветов взять с собой не только запас хлеба, продовольствия и предметов домашнего обихода, но и личный скот⁵⁰.

Положительную оценку заслужили командиры располагавшихся в Нелидовском районе частей (в том числе 93-й стрелковой дивизии), которые «выделили группы политработников, сами командиры и их заместители помогали в организации отселения»⁵¹. А вот жители деревни Борисово Ржевского района столкнулись с совершенно иным отношением со стороны старшего лейтенанта Зыряннова, который предложил гражданам покинуть дома, в ответ же на их требование предоставить транспорт ответил, что его дело освободить населённый пункт, и ему безразлично, где потом будут находиться люди. В результате 70 семей колхозников вырыли землянки недалеко от деревни и остались жить там⁵².

Реакция населения на известия о предстоящем отъезде оказывалась неоднозначной, нередко отрицательной. Летом констатировались факты организованных выступлений женщин, настроенных против эвакуации, в деревнях Локнянского и Плоскошского районов. Жительница деревни Никулино в письме на фронт рассказывала, что до приказа об эвакуации в Сонковский район односельчане жили спокойно, трудились, но потом началась «война» с не желавшими уезжать женщинами, которых насильно заставляли покидать родные дома, «открылся второй фронт в тылу Плоскошского района. На голод и смерть никто не едет, умирать, говорят, будем дома». Одной из причин подобного поведения стали рассказы проезжавших мимо раненых военнослужащих о голоде и отсутствии жилья в тех местах, куда отправляют людей из прифронтовой полосы, а также о случаях гибели беженцев и эвакуированных в вагонах, подвергшихся бомбёжкам. Услышав об этом, около 500 колхозниц из разных хозяйств собрались с кольями и камнями в руках и не пропустили подводы для эвакуации, отталкивая бойцов и даже отняв у одного из них автомат⁵³.

В других местах организаторы эвакуации также сталкивались с отказами уезжать. Они обуславливались прежде всего нежеланием оставлять созревающий урожай и отправляться в путь с небольшим запасом вещей и продуктов, опасениями голода на новых местах. Жители деревни Шурково Куньинского района на общем колхозном собрании категорически отказались эвакуироваться, сославшись на отсутствие хлеба. В деревне Литвиниха Великолукского района жена фронтовика призывала других «красноармеек» собраться в сарай и никуда не уходить без хлеба с малыми детьми, в деревне Обухово на границе Холмского и Плоскошского районов некоторые сопротивлявшиеся переселению угрожали топорами военнослужащим, местами жители уходили в леса, захватив с собой продовольствие. В письмах родным на передовую женщины из названных районов жаловались на недостаток транспорта и необходимость идти пешком, упоминали, что пока одних «гонят на выселку», имевшие «блат с председателем» остаются дома, и это вызывает недовольство, укрепляет стремление остаться.

⁵⁰ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 1225, л. 1.

⁵¹ Там же, д. 343, л. 25.

⁵² Там же, д. 351, л. 193.

⁵³ Там же, д. 345, л. 94, 95.

Жительница деревни Самохвалово описывала обстановку так: «Сейчас с народом идёт борьба, люди не едут, пока не отправили никого, но нажимают здорово, будем упираться. Будем всё равно умирать. Что наши мужья и братья завоевали, свои хотят загубить»⁵⁴. Видимо, автор письма противопоставила усилия красноармейцев, сумевших очистить от врага часть территории области, принесших населению освобождение от оккупантов и возможность жить и работать в родных местах, действиям организаторов эвакуации, заставлявших людей бросать хозяйство и двигаться навстречу страданиям и возможной смерти.

Староторжский признавал, что эвакуация в Куньинском и Торопецком районах проходила с исключительными трудностями, объясняя это тем, что население данной местности меньше испытало немецкие зверства и нередко оказывало сопротивление выезду⁵⁵. Руководители органов власти на местах сообщали в областной центр о «хорошем», «здоровом» настроении граждан в период осеннего отселения, о «серьёзном» отношении к эвакуации и понимании того, что это «нужное государственное дело». Можно предположить, что они избегали показа полной картины происшедшего, так как после подобных отчётов зачастую следовали уточнения, из которых ясно, что некоторое противодействие всё же присутствовало: «В отдельных случаях приходилось применять и разъяснительные меры, и меры принудительного переселения»⁵⁶.

Так, в Великолукском районе военным трибуналом рассматривались 12 случаев саботажа. В Зубцовском районе «по отдельным местам население туго поднималось из своих насиженных мест, были некоторые нездоровые настроения, нежелание выезжать и сопротивление главным образом со стороны престарелых семей», а в деревне Юркино уже после эвакуации населения остался и проживал в землянке председатель колхоза. За сопротивление отъезду два человека были преданы суду⁵⁷. Глава колхоза из деревни Тишнево Пыжовского сельсовета Молодотудского района категорически отказался уезжать. Как выяснилось, он надеялся сохранить 200 пудов хлеба, приобретённых незаконным путём. Дочь председателя колхоза из деревни Сосновка Азановского сельсовета того же района заявила представителям штаба 39-й армии и районных властей: «Мы, вся деревня, никуда не пойдём для того чтобы ехать, дайте нам приказ за личной подписью Сталина, если вы такого приказа не покажете и не дадите, тогда вы проводите вредительские работы и вы вредители»⁵⁸.

Упорное сопротивление оказали жители некоторых селений Нелидовского района. Для эвакуации людей из деревни Высокое пришлось привлечь военнослужащих, даже «прибегнуть к силе», после чего населённый пункт опустел. При этом отдельные колхозники скрылись, оставив дома детей⁵⁹. Негативные настроения среди эвакуированных иногда возникали при виде действий военнослужащих, которые, не дожидаясь отъезда хозяев, взламывали замки и забирали из домов и квартир оставшееся имущество. Подобные факты отмечались в Зубцовском, Погорельском, Ржевском районах⁶⁰. В случаях, когда

⁵⁴ Там же, л. 151, 151 об.

⁵⁵ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 18.

⁵⁶ Там же, л. 87 об., 93 об.; ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 1, 4, 26; ф. 148, оп. 3, д. 61, л. 19а об.

⁵⁷ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 77, 91 об.; ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 1225, л. 1 об.

⁵⁸ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 19, л. 87 об.

⁵⁹ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 343, л. 24.

⁶⁰ Там же, д. 4, л. 148; д. 351, л. 130, 193 об.

переселенцы проживали сравнительно недалеко от родных домов, они нередко возвращались за вещами⁶¹. Подобное, по сведениям областного управления НКВД, массово наблюдалось на территории Куньинского района⁶². Видимо, наибольшее число самовольно вернувшихся оказалось в Великолукском районе, что вызвало принятие облисполкомом 19 марта 1943 г. дополнения к решению от 17 октября 1942 г. об эвакуации 6 тыс. граждан из района на территорию Брусовского, Ленинского, Максатихинского, Пеновского и Удомельского районов⁶³.

Несмотря на усилия руководителей, в местах приёма переселенцев не всегда получалось разместить людей оперативно, предоставив сносные жилищные условия. Некоторым эвакуированным приходилось ожидать расселения на станциях, в помещениях сельсоветов и просто под открытым небом. Но и в последующие месяцы нередко наблюдалось «скученное проживание». Например, в Старицком районе к марту 1943 г. 265 семей жили в переуплотнённых домах. Особенно напряжённая ситуация сложилась в Роднянском сельсовете, где размещались 409 семей эвакуированных и 225 семей коренных жителей, а 134 семьи требовалось вывезти в другие сельсоветы, а также в Лешковском сельсовете, где находились 406 семей приезжих и 193 семьи коренных жителей, а расселить нужно было 104 семейства. К весне общее число эвакуированных в районе достигало 7 141 человека. Из 3 582 граждан, способных к работе, трудоустроили 1 716 человек, в том числе 1 435 – в колхозах, 281 – в организациях и на предприятиях; 1 866 человек оставались нетрудоустроенными из-за отсутствия одежды и обуви, инфекционных заболеваний. По отзыву председателя райисполкома, очень мешало то, что приехавшие считали себя временными жителями и поэтому не стремились выходить на работу⁶⁴. Вопрос о трудоустройстве таковых оставался актуальным и в других районах⁶⁵.

Следующей проблемой стал дефицит продовольствия. Не всем удавалось захватить с собой значительный запас провизии, на местах же случались перемены в снабжении. Далеко не везде переселенцы могли своевременно получить продукты взамен тех, что сдали воинским частям; задержки с выдачей происходили из-за неправильно оформленных расписок и актов на сдачу продукции и по другим причинам. В Максатихинском районе эвакуированная М.И. Ершова жаловалась, что не получает обещанных продуктов за выработанные в колхозе трудодни, в Сонковском районе на просьбу переселенцев выдать хлеб авансом в счёт трудодней глава колхоза «Новый путь» поблагодарил их за работу, заметив, что дать ещё нечего и вообще они могут «разъезжаться». В более тяжёлом положении оказывались граждане, которые прибывали осенью и не успевали до конца года заработать значительное количество трудодней к новому месту, что позволило бы им рассчитывать на существенную добавку к rationу. Нарастание проблем и трудности с их решением приводили к росту недовольства. Беды переселенцев и настроения в их среде отражают слова К.П. Горчаковой, матери четырёх детей, эвакуированной из Зубцова в деревню Спасское Погорельского района: «Нас эвакуировали сюда из прифронтовой полосы на верную гибель, ибо хлеба хотя и дают по 300 г, но часто бывает, что магазин по несколько дней

⁶¹ Там же, д. 1225, л. 1 об.

⁶² ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 24, л. 29, 30.

⁶³ Там же, д. 25, л. 30.

⁶⁴ Там же, д. 24, л. 20–21.

⁶⁵ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 351, л. 198; д. 1152, л. 61.

закрыт и приходится голодать. В колхозе на работу не берут, говорят, что им самим делать нечего, и [мы] уже дожились до того, что все вещи, которые привезли с собой, распродали, а дальше жить не на что»⁶⁶.

На моральное состояние эвакуированных влияла реакция местных жителей, которая, в свою очередь, могла вызываться опасениями распространения инфекционных заболеваний, резким ухудшением жилищных условий, осложнением продовольственной ситуации, связанными с приездом переселенцев. В изученных мной документах упоминания о неприязненном отношении со стороны местного населения встречаются редко; в Осташковском районе зафиксировано два случая, когда колхозники отказались пускать в свои дома семьи эвакуированных. Большинство приехавших граждан встречало понимание и сочувствие земляков. Намного чаще в источниках можно прочесть о чувстве обиды на местных управленцев, их чёрствость и грубость. По мнению части переселенцев, главы районов, сельсоветов и колхозов не помогали им, и прежде всего эти упреки объяснялись недостаточным продовольственным снабжением. Оказавшиеся в крайне тяжёлых жизненных обстоятельствах люди направляли жалобы и просьбы о помощи в вышестоящие органы власти, делились переживаниями в письмах родным на передовую. 3 января 1943 г. заместитель председателя СНК СССР Р.С. Землячка обратила внимание властей Калининской обл. на то, что в ряде поселений отмечаются скученность населения, необеспеченность переселенцев жильём, продовольствием, медицинским и бытовым обслуживанием, проявления «нетерпимого бездушия» со стороны местных руководящих работников. Она приказала принять срочные меры по улучшению положения эвакуированных и строго наказать виновных. Особо оговаривалась необходимость проведения профилактических мероприятий по предотвращению распространения сыпного тифа. Отмечу, что в условиях недостатка материальных и кадровых ресурсов выполнить весь комплекс мер в отношении санитарно-эпидемиологического благополучия и обеспечения качественного медицинского обслуживания граждан не удалось. Вспышки заболеваний сыпным тифом, спровоцированные приездом переселенцев, среди которых оказалось много инфицированных, отмечались, например, в Кесовогорском и других районах⁶⁷. После получения указаний из правительства, в районы тут же были командированы работники областных отделов хозяйственного устройства эвакуированного населения и здравоохранения, а результаты проверки рассматривались и обсуждались⁶⁸.

Начальник УНКВД по области Д.С. Токарев 28 января в докладной записке сообщал секретарю обкома И.П. Бойцову о недочётах в деле трудоустройства и снабжения эвакуированных, наличии негативных настроений. Военный прокурор войск НКВД Калининского фронта указывал на факты отказов в получении продуктов, сданных воинским частям из урожая 1942 г., гражданам, выселенным в Сережинский и Плоскошский районы⁶⁹. В феврале партийные секретари упомянутых в документах районов получили от имени Бойцова указания, обязывавшие их принять меры по изменению к лучшему материального положения эвакуированных⁷⁰.

⁶⁶ Там же, д. 1152, л. 61–62.

⁶⁷ Там же, д. 351, л. 197 об.

⁶⁸ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 24, л. 11–13.

⁶⁹ Там же, л. 23.

⁷⁰ ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 1190, л. 43–49.

30 апреля облисполком принял решение «О мероприятиях по трудоустройству населения прифронтовых районов», обязавшее глав исполкомов ряда западных районов и Великолукского горсовета отобрать из числа эвакуированных, проживавших в указанных районах, 5 тыс. рабочих, которые в порядке мобилизации будут направлены в трудовые коллективы предприятий, по большей части на объекты местной промышленности. Позаботиться об обеспечении рабочих семей жильём, участками под огороды, местами в детских учреждениях, обучении тех, кто не имел специальности, должны были также главы советов и областные руководители промышленных отделов. Утверждением списков мобилизованных по районам и их отправкой занимался областной отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Местом сбора рабочих с семьями назначили Торопецкий эвакуопункт. Кроме того, из оставшихся нетрудоустроенными граждан не менее 100 семей предполагалось отправить в рыболовецкие колхозы Архангельской обл. и 5 тыс. семей разместить в других районах Калининской обл. Максимальное количество (1 500 семей) планировалось перевезти в Лихославльский район, по 500 семей принимали Бологовский, Вышневолоцкий, Новоторжский. Но при выполнении решения возникали сложности. Так, из Нелидовского района сообщили, что все прибывшие туда трудоустроены, и отселять их нет надобности, так как рабочие руки нужны на месте, а возвращение эвакуированных в 1942 г. коренных жителей всё ещё не разрешено. К 25 июня 1943 г. из 1 700 рабочих, которые должны были поступить в распоряжение облместпрома, перевезли только 457 человек⁷¹. Таким образом, проблема трудоустройства требовала внимания, взвешенного подхода и различных методов её разрешения с учётом специфики районов.

Изучение архивных документов показывает, что ход эвакуации гражданского населения из прифронтовых районов Калининской обл. летом и осенью 1942 г. не всегда соответствовал решениям, принятым облисполкомом и командованием фронтов и армий. Организаторы переселений столкнулись с отказами некоторых жителей покидать родные места, дефицитом транспортных средств, неразработанностью и недоступностью отдельных маршрутов, потоком беженцев из соседних областей, неготовностью части районов принять значительно превышающее планы количество людей и обеспечить им удовлетворительные условия жизни. Взаимодействие между военными и гражданскими властями в ходе эвакуации складывалось по-разному, совместные усилия при решении конкретных вопросов переплетались со стремлением следовать прежде всего собственным интересам. В ряде случаев действия военнослужащих приводили к появлению дополнительных проблем при вывозе и размещении граждан. Роль направленных на места уполномоченных обкома и облисполкома оказывалась конструктивной. В некоторых районах эвакуация началась только после их появления, в части населённых пунктов они её ускорили, нередко выступали посредниками при обращении к военачальникам. Тем не менее, несмотря на все трудности, эвакуация с территорий, находившихся под прямой угрозой оккупации, состоялась.

⁷¹ ГА ТО, ф. Р-2043, оп. 18, д. 26, л. 354–354 об., 362, 364.